

...И в дверях Толстой

Т е а т р

Ровно двадцать лет назад в Ленинграде мне довелось увидеть спектакль, который и по сей день стоит, как наяву, перед глазами. Московский академический Малый театр привез в город на Неве новую постановку драмы Льва Толстого «Власть тьмы». В ней поражало все: и, на первый взгляд, парадоксальное, а по сути удивительно глубокое режиссерское решение, и замечательный актерский ансамбль, и поэтически светлое — тоже неожиданное для пьесы о власти тьмы, но отвечающее общему сценическому замыслу — декорационное оформление. Однако самым незабываемым было исполнение роли старика Акима.

Этот нищий, задавленный нуждой крестьянин выступал в спектакле живым воплощением нравственных представлений народа, самого Толстого о справедливой трудовой жизни, а в его речах, косноязычных, сбивчивых, с бесконечно повторяемым «тае», в которое старик вкладывал то сомнение, то боль, то ярость, то укоризну, звучал жгучий протест против всего, что хищнически ворвалось в жизнь русской пореформенной деревни и что Аким именвал скверной и пакостью.

Вспоминаю сцену, в которой Аким сидит на печи, а посередине избы куражится, выламывается его пьяный сын Никита, загулявший на шальные, преступно полученные деньги. Молчит Аким, но словно непереносимая тяжесть наваливается на него. Наконец, не выдержав, слезает с печи, дрожащими руками расстегивает заплатанную рубаху, достает из-за пазухи деньги, что недавно дал ему сын на покупку заветной коровенки, и, положив их на стол, уходит. Эта сцена была одной из высших драматических точек спектакля.

Аким играл Игорь Владимирович Ильинский.

Сегодня работа актера над ролью Акима воспринимается в особом значении еще и потому, что именно от нее, как мне представляется, идет двадцатилетняя подготовка к подвигу, который Ильинский совершил, сыграв в последней постановке Малого театра — в пьесе Иона Друцэ «Возвращение на круги своя» — роль самого Льва Толстого.

Да, это актерский подвиг — создать правдивый образ великого писателя земли русской, сыграть эту роль так, как сыграл Ильинский: с мощным, сосредоточенным вдохновением, внутренней силой и страстью, безупречной пластикой.

Как страшно (другого более точного слова здесь не подобрать) бывает порой даже подумать, что вот сейчас новый спектакль или фильм покажет образ гения — политического деятеля, ученого, художника — человека, который давно уже властно владеет нашими умами и сердцами. И как неловко, даже мучительно стыдно вдруг становится, когда вместо ожидаемого чуда нам предлагают полюбопытствовать, как кто-то судорожно пытается копировать знакомые походку и жесты, произносить хорошо памятные слова и фразы, не сумев при этом даже дотянуться до великой души.

Ильинский захватывает магией высшего актерского преобразования с первого же появления и держит зрителя в своем творческом магнитном поле до последнего мгновения,

когда все на сцене погружается во тьму, и в луче смерти и бессмертия застывает лицо Толстого...

«Хорош он был, — писал Алексей Максимович Горький, — когда, шаркая подошвами, как бы властно сглаживая неровность пути, вдруг являлся откуда-то из двери, из угла, шел к вам мелким, легким и скорым шагом человека, привыкшего много ходить по земле, и, засунув большие пальцы рук за пояс, на секунду останавливался, быстро оглядываясь цепким взглядом, который сразу замечал все новое и тотчас высасывал смысл всего».

Как это играется, объяснить невозможно, но у Ильинского Толстой поистине «высасывает смысл всего». «Напряженность духовной жизни», «мятежная совесть гения» (если еще раз обратиться к горьковским определениям) — вот что дает ощутить зрителю, делает зримым актер. Толстой в его исполнении сдержан, немногословен, замкнут даже в минуты глубокого потрясения, но как волнуется все там, внутри, какими властными широкими кругами парит его мысль.

Накипевшая ненависть к царящей несправедливости, чувство личной вины, непоследовательности, расхождения между проповедью равенства людей и собственной жизнью в барской усадьбе, конфликт на этой почве с семьей, прежде всего с женой Софьей Андреевной, — одна из драматических пружин спектакля, действие которого разветвляется в последние дни перед уходом и в ночь ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны. Ильинский же играет так, что за «частной» яснополянской историей проглядывают некоторые контуры того титанического противоборства, в которое вступил Лев Толстой со всей империей насилия и лжи.

Это очень точно, что артист видит в Толстом человека народного корня. И не случайно одна из сильнейших сцен спектакля — рассказ Льва Николаевича о посещении им крестьянина Митрия Сударикова, у которого пала лошадь. Толстой детально, до мелочей вспоминает свою встречу с обездоленным мужиком. И как тому было необходимо поделиться с кем-то своим горем, и как он снимал износившиеся подковы с мерина и вез его, неловко уложив на подводу, а морда лошади свисала до самой земли... Эти подробности раздражают, злят Софью Андреевну и других домочадцев. Они просят прекратить рассказ, считая его неуместным, невыносимым, пытаются отделаться общими словами, как, например, Лев Львович, который бросает отцу: «Важно существо дела, а не подробности». Но Лев Николаевич отвечает: «Нет, ты ошибаешься, истина вне подробности не стоит ломаного гроша». Толстой говорит это спокойно, но жестко, непрерываемо, ибо как гениальный художник, от которого не ускользает ни одна «мелочь» жизни, впитал в себя страдания и Митрия Сударикова, и миллионы ему подобных.

Сила, величие Толстого... Но в его воззрениях были слабости, противоречия как «выражение, — по определению В. И. Ленина, — тех противоречи-

вых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века». В спектакле есть эпизоды, персонажи, вроде жалкого и смешного «толстоца», которые должны проиллюстрировать и эту мысль. Но слабости «толстоства» в их историческом смысле и значении не заслоняют титаническую личность Толстого, человека и художника, который ставил назревшие вопросы социальной жизни и критиковал современное ему общество, писал Ленин, с громадной силой чувства, «страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня». Страстного, искреннего и бесстрашного в своем стремлении «дойти до корня» Толстого и играет Ильинский. Создавая этот образ, стремясь раскрыть жизнь человеческого духа — героическую духовную жизнь гения, которого выдвинул народ в одну из сложнейших эпох истории России, — артист поднимается к тем художественным высотам, которые всегда были заветной целью нашего советского театра.

Уход Толстого из Ясной Поляны как попытка решить противоречия, которые его мучили, и был с исторической точки зрения проявлением слабости толстовского учения, но как поступок человека свидетельствовал об огромной нравственной силе, даже героизме 82-летнего старца, который покидал обжитой кров и пускался в неизвестно что сулящее ему странствие, да еще перед лицом надвигающейся смерти.

Тема смерти, трагической неизбежности «возвращения на круги своя» возникает в спектакле уже в первых репликах Толстого, в его размышлении — «сочинении» о мудром волке, который «пошел в свой самый трудный, свой последний путь». И когда Ильинский говорит о том, как «по всей Российской империи, от самого мелкого чиновника до самых высокопоставленных вельмож, все стали готовиться к облаве», то мы понимаем, что Толстой думает о самом себе, о своем «последнем прыжке». Но артист — и это тоже, на наш взгляд, соответствует сущности образа — показывает Толстого, который готовится не к смерти, а, как и его Хаджи Мурат, «отстаивает жизнь до последнего».

Нашей критике еще предстоит подробно рассмотреть работу и драматурга, и постановщика (им является известный режиссер Борис Равенский, который ставил когда-то упоминавшуюся выше «Власть тьмы»), и всех других создателей спектакля, оценить, насколько широко отражена эпоха, точна характеристика ближайшего окружения Толстого. Несомненно, критика отметит и очевидные достоинства, и спорные моменты спектакля. Сегодня же хочется выделить одно, глубоко волнующее: выдающемуся советскому актеру И. Ильинскому удалось воссоздать образ Толстого в его главнейших чертах, в том его облике, каким он видится нам и каким он виделся Ленину, когда Ильич воскликнул после чтения «Войны и мира»: «Какая глыба, а? Какой матерый человечек!»

Скоро Малый театр начнет свой новый сезон. Поднимется занавес. На сцене — яснополянский дом. И в дверях — Толстой...

Г. КАПРАЛОВ.

...И в дверях Толстой

Т е а т р

Ровно двадцать лет назад в Ленинграде мне довелось увидеть спектакль, который и по сей день стоит, как наяву, перед глазами. Московский академический Малый театр привез в город на Неве новую постановку драмы Льва Толстого «Власть тьмы». В ней поражало все: и, на первый взгляд, парадоксальное, а по сути удивительно глубокой режиссерское решение, и замечательный актерский ансамбль, и поэтически светлое — тоже неожиданное для пьесы о власти тьмы, но отвечающее общему сценическому замыслу — декорационное оформление. Однако самым незабываемым было исполнение роли старика Акима.

Этот нищий, задавленный нуждой крестьянин выступал в спектакле живым воплощением нравственных представлений народа, самого Толстого о справедливой трудовой жизни, а в его речах, косноязычных, сбивчивых, с бесконечно повторяемым «тае», в которое старик вкладывал то сомнение, то боль, то ярость, то укоризну, звучал глгучий протест против всего, что хищнически ворвалось в жизнь русской пореформенной деревни и что Аким именвал скверной и пакостью.

Вспоминаю сцену, в которой Аким сидит на печи, а посередине избы куражится, выламывается его пьяный сын Никита, загулявший на шальные, преступно полученные деньги. Молчит Аким, но словно непереносимая тяжесть наваливается на него. Наконец, не выдержав, слезает с печи, дрожащими руками расстегивает заплаченную рубашку, достает из-за пазухи деньги, что недавно дал ему сын на покупку заветной коровенки, и, положив их на стол, уходит. Эта сцена была одной из высших драматических точек спектакля.

Аким играл Игорь Владимирович Ильинский.

Сегодня работа актера над ролью Акима воспринимается в особом значении еще и потому, что именно от нее, как мне представляется, идет двадцатилетняя подготовка к подвигу, который Ильинский совершил, сыграв в последней постановке Малого театра — в пьесе Иона Друцэ «Возвращение на круги своя» — роль самого Льва Толстого.

Да, это актерский подвиг — создать правдивый образ великого писателя земли русской, сыграть эту роль так, как сыграл Ильинский: с мощным, сосредоточенным вдохновением, внутренней силой и страстью, безупречной пластикой.

Как страшно (другого более точного слова здесь не подобрать) бывает порой даже подумать, что вот сейчас новый спектакль или фильм покажет образ гения — политического деятеля, ученого, художника — человека, который давно уже властно владеет нашими умами и сердцами. И как неловко, даже мучительно стыдно вдруг становится, когда вместо ожидаемого чуда нам предлагают полюбопытствовать, как кто-то судорожно пытается копировать знакомые походку и жесты, произносит хорошо памятные слова и фразы, не сумев при этом даже вместо дотянуться до великой души.

Ильинский захватывает магней высшего актерского преобразования с первого же появления и держит зрителя в своем творческом магнитном поле до последнего мгновения,

когда все на сцене погружается во тьму, и в луче смерти и бессмертия застывает лицо Толстого...

«Хорош он был, — писал Алексей Максимович Горький, — когда, шаркая подошвами, как бы властно сглаживая неровность пути, вдруг являлся откуда-то из двери, из угла, шел к вам мелким, легким и скорым шагом человека, привыкшего много ходить по земле, и, засунув большие пальцы рук за пояс, на секунду останавливался, быстро оглядываясь цепким взглядом, который сразу замечал все новое и тотчас высасывал смысл всего».

Как это играется, объяснить невозможно, но у Ильинского Толстой поистине «высасывает смысл всего». «Напряженность духовной жизни», «мятежная совесть гения» (если еще раз обратиться к горьковским определениям) — вот что дает ощутить зрителю, делает зримым актер. Толстой в его исполнении сдержан, немногословен, замкнут даже в минуты глубокого потрясения, но как волнуется все там, внутри, какими властными широкими кругами парит его мысль.

Накипевшая ненависть к царящей несправедливости, чувство личной вины, непоследовательности, расхождения между проповедью равенства людей и собственной жизнью в барской усадьбе, конфликт на этой почве с семьей, прежде всего с женой Софьей Андреевной, — одна из драматических пружинок спектакля, действие которого разворачивается в последние дни перед уходом и в ночь ухода Льва Николаевича из Ясной Поляны. Ильинский же играет так, что за «частной» яснополянской историей проглядывают некоторые контуры того титанического противоборства, в которое вступил Лев Толстой со всей империей насилия и лжи.

Это очень точно, что артист видит в Толстом человека народного корня. И не случайно одна из сильнейших сцен спектакля — рассказ Льва Николаевича о посещении им крестьянина Митрия Сударикова, у которого пала лошадь. Толстой детально, до мелочей вспоминает свою встречу с обездолненным мужиком. И как тому было необходимо поделиться с кем-то своим горем, и как он снимал износившиеся подковы с мерина и vez его, неловко уложив на подводу, а морда лошади свисала до самой земли... Эти подробности раздражают, злят Софию Андреевну и других домочадцев. Они просят прекратить рассказ, считая его неуместным, невыносимым, пытаются отделаться общими словами, как, например, Лев Львович, который бросает отцу: «Важно существо дела, а не подробности». Но Лев Николаевич отвечает: «Нет, ты ошибаешься, истина вне подробностей не стоит ломаного гроша». Толстой говорит это спокойно, но жестко, непрерываемо, ибо как гениальный художник, от которого не ускользает ни одна «мелочь» жизни, впитал в себя страдания и Митрия Сударикова, и миллионы ему подобных.

Сила, величие Толстого... Но в его воззрениях были слабости, противоречия как «выражение, — по определению В. И. Ленина, — тех противоречи-

вых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века». В спектакле есть эпизоды, персонажи, вроде жалкого и смешного «толстоваца», которые должны проиллюстрировать и эту мысль. Но слабости «толстовства» в их историческом смысле и значении не заслоняют титаническую личность Толстого, человека и художника, который ставил назревшие вопросы социальной жизни и критиковал современное ему общество, писал Ленин, с громадной силой чувства, «страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня». Страстного, искреннего и бесстрашного в своем стремлении «дойти до корня» Толстого и играет Ильинский. Создавая этот образ, стремясь раскрыть жизнь человеческого духа — героическую духовную жизнь гения, которого выдвинул народ в одну из сложнейших эпох истории России, — артист поднимается к тем художественным высотам, которые всегда были заветной целью нашего советского театра.

Уход Толстого из Ясной Поляны как попытка решить противоречия, которые его мучили, и был с исторической точки зрения проявлением слабости толстовского учения, но как поступок человека свидетелем об огромной нравственной силе, даже героизме 82-летнего старца, который покидал обжитую кров и пускался в неизвестно что сулящее ему странствие, да еще перед лицом надвигающейся смерти.

Тема смерти, трагической неизбежности «возвращения на круги своя» возникает в спектакле уже в первых репликах Толстого, в его размышлении — «сочинении» о мудром волке, который «пошел в свой самый трудный, свой последний путь». И когда Ильинский говорит о том, как «по всей Российской империи, от самого мелкого чиновника до самых высокопоставленных вельмож, все стали готовиться к облаве», то мы понимаем, что Толстой думает о самом себе, о своем «последнем прыжке». Но артист — и это тоже, на наш взгляд, соответствует сущности образа — показывает Толстого, который готовится не к смерти, а, как и его Хаджи Мурат, «отстаивает жизнь до последнего».

Нашей критике еще предстоит подробно рассмотреть работу и драматурга, и постановщика (им является известный режиссер Борис Равенских, который ставил когда-то упоминавшуюся выше «Власть тьмы»), и всех других создателей спектакля, оценить, насколько широко отражена эпоха, точна характеристика ближайшего окружения Толстого. Несомненно, критика отметит и очевидные достоинства, и спорные моменты спектакля. Сегодня же хочется выделить одно, глубоко волнующее: выдающемуся советскому актеру И. Ильинскому удалось воссоздать образ Толстого в его главнейших чертах, в том его облике, каким он видится нам и каким он виделся Ленину, когда Ильич воскликнул после чтения «Войны и мира»: «Какая глыба, а? Какой матерый человечине!»

Скоро Малый театр начнет свой новый сезон. Поднимется занавес. На сцене — яснополянский дом. И в дверях — Толстой...

Г. КАПРАЛОВ.

ИЗ АВТ. 1910, ПРАВА Г. МОСКВ